

*ИЛЛОКУТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ***А.С. СТАЦЕНКО**

*Кубанский государственный технологический университет,
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2;
электронная почта: adm@kgtu.kuban.ru*

В статье рассматриваются разные виды речевых актов, в состав которых входит эмоционально-оценочная лексика. Данный анализ позволяет четко дифференцировать эмоциональный и нейтральный типы интенций, установить и разграничить их семантическую и прагматическую направленность, определить набор важных языковых составляющих для формирования данных типов. Изучение влияния эмоционально-оценочной лексики на формирование того или иного вида речевого акта, значения, которое оказывает данная лексика на формирование определенного типа авторской интенции, степени ее влияния на конечный результат речевого акта кажется нам перспективным и интересным. Характер нейтральных и эмоциональных интенций качественно отличается друг от друга непосредственно силой выражаемых эмоций и скрытыми смыслами, раскрываемыми благодаря декодированию семантики эмоционально-оценочной лексики. Мы считаем, что для разных по направленности интенций: эмоциональных и нейтральных иллокутивно важны разные компоненты. В маркированных интенциях эмоционально-оценочная лексика не только оказывает сильное влияние на формирование типа интенции, но и переводит ее в разряд эмоционально маркированных авторских намерений. Для высказываний, конечная интенция которых эмоциональна, качество и характер эмоций, передаваемые лексическими средствами, крайне важны. Даже при возможности сформировать ту же интенцию при помощи нейтральных лексических средств, воспроизводится только информативный план, а не передаваемые ею чувства, эмоции, отсутствие которых совершенно искажает эмоциональную интенцию. Следовательно, степень реализации иллокутивной функции эмоционально-оценочной лексики можно определить как сильную. То есть на формирование непосредственно типа интенции именно семантика лексической единицы оказывает основное и сильное влияние.

Ключевые слова: иллокутивность, лексика, эмоциональность, оценочность, эмоционально-оценочный компонент, интенция, речевой акт, прагматика.

Изучение влияния эмоционально-оценочной лексики на формирование того или иного вида речевого акта, значения, которое оказывает данная лексика на формирование определенного типа авторской интенции, степени ее влияния на конечный результат речевого акта кажется нам перспективным и интересным.

В нашем исследовании мы обращались к высказываниям, выбранным из переводных текстов С. Моэма, в составе которых функционирует эмоционально-оценочная лексика.

Основываясь на том утверждении, что в структуре эмоционально-оценочной лексики ядерной, а, следовательно, и ведущей является именно эмоциональная сема, мы предполагаем наличие определенной степени иллокутивности данной лексики. Степень иллокутивности эмоционально-оценочной лексики рассматривается нами как противопоставление двух членов: сильной и слабой позиций. При этом определение непосредственно позиций основывается на двух способах: выведения (опущения), либо нейтрализации эмоциональной лексики в высказывании. При реализации данных трансформаций в случае отсутствия каких-либо изменений в интенции, либо при наличии почти незаметных адресату смысловых потерь, мы квалифицируем степень иллокутивности как слабую. В случае наличия важных для семантического и эмоционального уровней потерь, мы квалифицируем степень иллокутивности эмоционально-оценочной лексики как сильную.

Следует отметить, что эмоционально-оценочная лексика наряду с функцией эквивалента, единственного компонента речевого акта, формирующего его интенцию, например, *Болван* [1, 265], может выполнять функцию составной части, то есть быть не единственным элементом речевого акта (РА): *Дружище, я был бы счастлив одолжить тебе пару монет, но я и сам в кулак свищу* [2, 227].

Хотим заметить, что функция образующего элемента РА, хоть и является регулярной, но по отношению ко второй функции – функции составной части высказывания – встречается достаточно редко (10% высказываний от общего числа). Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров: *Старая ведьма* [2, 331]. Наличие у взрослого человека черт глупости воспринимается остальными индивидами как не-норма, причем в отрицательном значении: плохо быть глупым, нельзя быть глупым. В отличие от наличия этой же характеристики у детей и животных. Так, выражение *глупый ребенок* или *глупый котенок* (*зайчонок, птичка* и так далее) скорее воспринимается как норма: ребенку, животному, птице положено, свойственно быть глупее остальных членов сообщества, взрослых людей. Именно поэтому, в данном случае сочетание

глупая старая (женщина) подчеркивает наличие аномальности, поскольку старый взрослый человек не может / не должен быть глупым. В данном случае линейное взаимодействие эмоционально окрашенного слова *ведьма* и нейтрального прилагательного *старый* влечет за собой эмоциональную ассимиляцию – распространение эмоциональной окраски на стоящее рядом нейтральное слово. При этом именно прилагательное *старая* в совокупности с существительным *ведьма* – «злая волшебница, злая женщина» [3, 71] воспринимается как опытная, следовательно, принесшая много бед и несчастий за долгую жизнь, а следовательно, плохая женщина. Прилагательное *старый* само по себе не имеет эмоциональной окраски, но может приобретать ее окказионально, или путем ассимиляции: ср. *старое дерево, старый хрыч*.

Рассмотрим еще один пример: *Чудовищно!* [2, 41]. Формирование интенции в данном случае зависит от наречия и его лексико-эмоционального значения. Наречие и его производящие слова *чудовищный, чудовище – чудовищный – чудовищно* воспринимается и употребляется в обоих языках в переносном значении в случае желания выразить ужас, неприятие кого-либо, чего-либо, с целью придачи человеку, явлению отрицательных черт. Таким образом, эмоционально-оценочное значение слов этой группы подразумевает наличие эмоциональной реакции с отрицательной оценкой. Семантика наречия, в первую очередь, направлена на выражение отрицательного отношения говорящего к факту измены, а именно согласия с отрицательной оценкой, данной этому факту собеседником.

В следующем примере мы сталкиваемся с интенцией оскорбление. *Ты истеричный осел* [2, 95]. Несмотря на то, что прилагательное *истеричный* не имеет никаких эмоциональных помет в словарях, само его толкование «истеричный – страдающий истерией, психическим заболеванием, выражающемся в судорожных припадках, в слезах, смехе, криках» [3, 255; 4, 702] говорит о наличии в восприятии членами общества человека, обладающего такого рода качествами, отрицательного отношения, неприятия. В особенности при отсутствии непосредственно заболевания, а лишь наличия его

поведенческой реакции на ситуацию. Поскольку собственно больной человек воспринимается с некоторой долей сочувствия и понимания, а здоровый человек, поведение которого похоже или имитирует поведение больного, оценивается в качестве неспособного совладать с эмоциями, следовательно, отличается от поведения и степени контроля своих чувств другими членами общества, что не является нормой, а значит, плохо и отрицается остальными индивидами. Кроме того, нам кажется, что мы не ошибемся, если будем утверждать, что в настоящее время прилагательное *истеричный* употребляется носителями в первую очередь не в значении «больной человек», а в значении «человек, который ведет себя в определенной ситуации как больной». Именно такого рода восприятия человека, чье поведение не контролируется разумом, дает возможность линейного употребления прилагательного *истеричный* с оскорбительным существительным *осел*, в значении тупой, упрямый человек. Таким образом, употребление сочетания *истеричный осел* имеет целью оскорбить, унижить адресата со значением «ты неспособный контролировать свои эмоции, ведущий себя как больной истерией, ненормальный, глупый упрямый человек».

Для определения важности для формирования конечной интенции непосредственно эмоционально-оценочной лексики, попробуем заменить ее нейтральной: *Старая ведьма* [2, 331]. *Вы женщина в летах*, или *Ты истеричный осел* [2, 95] – *Ты ведешь себя как больной человек*. Очевидно, что в случае нейтрализации эмоционально-оценочной лексики, помимо качественного изменения интенции (на наш взгляд, нейтральное высказывание можно квалифицировать как оскорбление или подтверждение с большей долей сомнения, по сравнению с эмоциональным), происходит искажение непосредственно силы чувств говорящего по отношению к собеседнику, а значит, это приводит и к неправильному толкованию его дальнейших поступков, а следовательно, к нарушению понимания общего авторского замысла. То есть, нам кажется, что интенции можно разграничивать по наличию/отсутствию эмоциональной лексики. Такие разновидности

качественно отличаются друг от друга, а функционирование эмоциональной лексики не ограничено рамками подкласса «экспрессивные интенции» основной классификации [см.: 5, 48-49], так как непосредственно последние могут быть реализованы при помощи, как эмоциональных, так и нейтральных средств, ср. *Иди!* (нейтральное) и *Иди к черту!* (эмоциональное); *Незнакомое место* (нейтральное) и *Гнусное место* (эмоциональное). Нам кажется, что цель этих высказываний разная: в нейтральном – передача только информации, в эмоциональном – это в первую очередь передача эмоций, отношения и только затем информации.

Теперь обратимся ко второй функции эмоционально-оценочной лексики – функции формирующего элемента речевого акта. Рассмотрим несколько примеров: *Та пьяная девка, которую мы встретили в том гнусном кафе, куда вы нас затащили* [1, 204]. В русском переводе эмоциональный глагол *затащить* – «привести, завлечь куда-либо» подразумевает попадание куда-либо против воли, обманом, что не соответствует действительности. То есть, усилив эмоциональный компонент, автор перевода добавил в высказывание факт снятия ответственности героини за ее присутствие в кафе, следовательно, в переводе была изменена общая семантика фразы. Обратимся к способу трансформации: *Та пьяная девка, которую мы встретили в том гнусном кафе, куда вы нас затащили. - Та девушка, которую мы встретили в том кафе, куда вы нас пригласили.* Мы можем наблюдать, что при нейтрализации эмоциональной лексики эмоциональная интенция утверждение теряет свой смысл, поскольку искажается степень раздраженности, исчезают отрицательные эмоции, которые испытывает героиня, по поводу посещения кафе.

Рассмотрим следующий пример с конечной интенцией оскорбление: *Вы из породы тех трусов, которые убеждены только в том, что им выгодно* [1, 359]. Очевидно, поведение героя не одобряется автором высказывания. Но значение неодобрения не заложено в семантике прилагательных. Слова *profitable* – *выгодный* помимо значения «прибыльный», могут быть

истолкованы в качестве «положительный, оставляющий хорошее впечатление». В этом случае явно, что не они содержат оскорбительное значение. Отнесенность героя к другой группе людей, которые «убеждены только в том, что им выгодно», осуждается героиней, которая противопоставляет себя этой группе. Присутствие в высказывании эмоционально-оценочного существительного вносит ясность в объяснение отношения героини к предыдущему поступку собеседника. Ведь она считает, что он трус не потому, что он убежден только в том, что ему выгодно (было бы странно считать всех убежденных в выгодной для себя информации трусами), а потому, что отступился от нее, предал ее чувства, и при этом верит в возможность оправдать свой поступок. При выведении из высказывания эмоционального слова *трус*, высказывание теряет силу своего оскорбительного значения: *Вы из породы тех людей, которые убеждены только в том, что им выгодно*. То есть наличие определенного эмоционального фона высказывания определяется именно эмоциональным существительным.

В следующем примере эмоциональная лексика непосредственно формирует основное значение *Ваши приемы, дорогая миссис Форестер, так же прекрасны и божественны, как вы сами* [1, 495]. В тексте перевода наречие утеряно, вероятно, по той причине, что его значение в некоторой степени уже подразумевается прилагательными. Хотя, на наш взгляд, такого рода удаление не оправдано с точки зрения раскрытия чувств и эмоций говорящего. При эквивалентном переводе этого высказывания: *Ваши приемы, как вы, дорогая, моя, столь же безукоризненно прекрасны и безукоризненно божественны* более полно раскрывается желание героя польстить хозяйке, при этом, в неумелом сочетании эмоциональных слов прослеживается его волнение и желание скрасить этим комплиментом неуместность предыдущей реплики. При полном отсутствии эмоциональной лексики в высказывании: *Ваши приемы похожи на вас* интенция похвала реализуется, но при меньшей степени эмоциональности и без реализации волнения, чувства досады и желания угодить собеседнику.

Проведенный нами анализ высказываний говорит о необходимости разграничения эмоционального и нейтрального типов интенций. Мы утверждаем, что характер этих интенций качественно отличается друг от друга непосредственно силой выражаемых эмоций и скрытыми смыслами, раскрываемыми благодаря декодированию семантики эмоционально-оценочной лексики. Мы считаем, что для разных по направленности интенций: эмоциональных и нейтральных иллокутивно важны разные компоненты. В маркированных интенциях эмоционально-оценочная лексика не только оказывает сильное влияние на формирование типа интенции, но и переводит ее в разряд эмоционально маркированных авторских намерений. Для высказываний, конечная интенция которых эмоциональна, качество и характер эмоций, передаваемые лексическими средствами, крайне важны. Даже при возможности сформировать ту же интенцию при помощи нейтральных лексических средств, воспроизводится только информативный план, а не передаваемые ею чувства, эмоции, отсутствие которых совершенно искажает эмоциональную интенцию. Следовательно, степень реализации иллокутивной функции эмоционально-оценочной лексики можно определить как сильную. То есть на формирование непосредственно типа интенции именно семантика лексической единицы оказывает основное и сильное влияние.

Мы допускаем наличие в эмоциональной интенции нейтральной лексики потому, что часто или почти всегда эмоциональная лексическая единица в высказывании линейно взаимодействует с нейтральной единицей, делая ее эмоционально маркированной. Появление любой эмоционально-оценочной единицы в нейтральном высказывании автоматически переводит его в разряд эмоционального, с конечной эмоциональной интенцией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах.- М., 1985.-Т1.-557с., Т2.-731с.
2. С. Моэм. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т2.-М., 1991.-569с.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка.- М., 1997.-944с.
4. Longman Dictionary of contemporary English. – Edinburgh, 2001.-1662p.
5. Громоздова Л. В. Модальность утверждения и отрицания в английском и русском языках (лингвопрагматический аспект): Дисс. канд. филол. наук. Краснодар, 2000.-227с.
6. Безрукавая М.В. Особенности перевода устойчивых лексических единиц в манере перевода двух переводчиков // Молодой ученый. 2012 . № 10. С. 179-183.

REFERENCES:

1. S. Moem. Izbrannye proizvedeniya v 2-kh tomakh.- М., 1985.-Т1.-557s., Т2.-731s.
2. S. Moem. Sobranie sochineniy v 5-ti tomakh. Т2.-М., 1991.-569s.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka.- М., 1997.-944s.
4. Longman Dictionary of contemporary English. – Edinburgh, 2001.-1662p.
5. Gromozdova L. V. Modalnost utverzhdeniya i otritsaniya v angliyskom i russkom yazykakh (lingvopragmaticheskiy aspekt): Diss. kand. filol. nauk. Krasnodar, 2000.-227s.
6. Bezrukavaya M.V. Osobennosti perevoda ustoychivyykh leksicheskikh edinit v manere perevoda dvukh perevodchikov // Molodoy uchenyy. 2012 . № 10. S. 179-183.

*THE ILLOCUTIVE FUNCTION OF EMOTIONALLY-EVALUATED LEXIS***A.S. STATSENKO**

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350072;
e-mail: adm@kgtu.kuban.ru*

The article is devoted to the different sorts of speech acts that contain emotionally-evaluated lexis. Analysis permits to distinguish emotional and neutral kinds of intentions, to differ its semantic and pragmatic directions, to define an important language means for abovementioned types' forming. Different types of speech acts with emotionally-evaluated lexis are analyzed in the article. It allows to differ emotional and neutral types of intentions, to certify and differ its semantic and pragmatic direction, to define main language unites that serve for these types' forming. Studying the influence of emotionally-evaluated lexis for speech acts types' forming, its meaning for intention seems us actual. The character of emotional and neutral types of intentions quality differs by the force of expression and hidden senses that can be recovered by decoding semantics of emotionally-evaluated lexis. We believe that different components are illocutively important for different intentions (emotional and neutral). In emotional intentions emotionally-evaluated lexis not only influence for its type's forming but transfer it in emotionally marked author's intentions' type. For expressions with emotional intention the quality and character of expressed emotions are highly important. Even if to form it with neutral lexis its feelings are not transferred but only informative system. Absence of emotions deforms emotional intention. That means the power of realization of emotionally-evaluated lexis' illocutive function can be determined as strong. Semantics of lexical unit influence strong to types of intention's forming.

Keywords: illocution, lexis, emotionality, evaluation, emotionally-evaluated component, intention, speech act, pragmatics.